

Рецензия на книгу

УДК 94(47)(049.32)

DOI: 10.32516/2303-9922.2023.46.19

Рецензия на монографию: Гаража Н. А. «Восточные рабочие». Труд и повседневная жизнь советских граждан в Третьем рейхе. 1941—1945. М. : Прометей, 2022. 264 с.

Равиля Рахияновна Хисамутдинова

Оренбургский государственный педагогический университет, Оренбург, Россия, hisamutdinova@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3546-0683>

Аннотация. В статье анализируется монография Н. А. Гаража, в которой представлен анализ сферы обыденности «восточных рабочих» в Третьем рейхе: специфика обустройства быта советских граждан в состоянии неволи, своеобразие их чувств, переживаний, стратегий выживания, неизбежной или желаемой интеграции в германское общество, сохранение или утрата при этом этнической и социальной самоидентификации. Достаточно много внимания уделено изучению практик адаптивного и дезадаптивного поведения остарбайтеров в Германии с точки зрения анализа влияния гендерной принадлежности, конфессиональных предпочтений, предыдущего уровня социализации, профессиональных знаний и навыков.

Ключевые слова: советские граждане, «восточные рабочие», труд, повседневная жизнь, Третий рейх.

Для цитирования: Хисамутдинова Р. Р. Рецензия на монографию: Гаража Н. А. «Восточные рабочие». Труд и повседневная жизнь советских граждан в Третьем рейхе. 1941—1945. М. : Прометей, 2022. 264 с. // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. 2023. № 2 (46). С. 267—276. URL: http://vestospu.ru/archive/2023/articles/19_46_2023.pdf. DOI: 10.32516/2303-9922.2023.46.19.

Book review

Review of the monograph: Garazha N. A. “Eastern Workers”. Work and everyday life of Soviet citizens in the Third Reich. 1941—1945. Moscow, Promethey Publ., 2022. 264 p.

Ravilya R. Khisamutdinova

Orenburg State Pedagogical University, Orenburg, Russia, hisamutdinova@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3546-0683>

Abstract. The article focuses on the monograph by N. A. Garazha, which analyse the everyday life of “Eastern workers” in the Third Reich: the specifics of arranging the life of Soviet citizens in captivity, their feelings, experience, survival strategies, inevitable or desired integration into German society, preservation or loss of ethnic and social self-identification. Much attention is paid to the study of the practices of adaptive and maladaptive behavior of Ostarbeiters in Germany from the point of view of analyzing the influence of gender, confessional preferences, previous level of socialization, professional knowledge and skills.

Keywords: Soviet citizens, “Eastern workers”, labor, everyday life, Third Reich.

For citation: Khisamutdinova R. R. Review of the monograph: Garazha N. A. “Eastern Workers”. Work and everyday life of Soviet citizens in the Third Reich. 1941—1945. Moscow, Promethey Publ., 2022. 264 p. *Vestnik of Orenburg State Pedagogical University. Electronic Scientific Journal*, 2023, no. 2 (46), pp. 267—276. DOI: <https://doi.org/10.32516/2303-9922.2023.46.19>.

© Хисамутдинова Р. Р., 2023

В истории Великой Отечественной войны есть вопросы, не изученные в должном объеме либо остро нуждающиеся в определенной исследовательской ревизии на основе привлечения новых источников и обновления методологического инструментария. К этим проблемам можно отнести историю трудоустройства советских граждан в экономике Третьего рейха и их повседневной жизни в неволе. Книга Наталии Алексеевны Гаража вносит серьезный вклад в российскую историографию по проблемам «остарбайтеров», хотя данной проблеме уделяли внимание такие историки, как Г. Г. Вербицкий [1], В. Н. Земсков [6], В. И. Ковалев [7], Е. Ф. Кринко [8], выходили статьи самого автора [2; 3; 5].

Н. А. Гаража в своей работе не дает историографического и источниковедческого анализа изучаемой проблемы, но ее труд является логическим продолжением научных изысканий предшественников и собственных исследований.

В основу монографии положен анализ обширного комплекса архивных материалов и опубликованных источников. В числе архивных документов автором были использованы дела из 17 фондов четырех центральных (ГАРФ, РГАСПИ, РГВА, ЦГАИПД СПб), семи региональных и муниципальных архивов (ГАКК, ГАРК, ГАРО, ГКУ РА «Нацархив», БУОО ГАОО, Архив Администрации МО г. Новороссийск, Районный архив Темрюкского района) и фонды трех музейных учреждений Новороссийска, Майкопа и Майкопского района Республики Адыгея, что позволило автору обнаружить ряд уникальных документов, которые формируют целостное представление о феномене массового угона мирного населения захваченных регионов СССР и об использовании его труда в экономике фашистской Германии [4, с. 6].

Автором монографии привлекались источники личного происхождения в качестве исторических свидетельств для изучения стратегий выживания «восточных рабочих», их представлений о своей жизненной ситуации, в которой они оказались в силу независящих от них обстоятельств. Осуществлен целостный анализ уникальной коллекции писем остарбайтеров, находящейся в Государственном архиве Республики Крым (более 1600 писем) [4, с. 6—7].

Методологическая стратегия исследования построена на основе системно-структурного подхода, апробированного как в исторических, так и междисциплинарных исследованиях; историко-генетического и феноменологического методов анализа совокупности научно-исторических и историографических фактов относительно поставленной проблемы [4, с. 7].

Монография состоит из трех глав, в каждой из которых решается серьезная проблема.

В первой главе рассматриваются теоретико-методологические основания проблемы принудительного трудоустройства гражданского населения оккупированных территорий СССР Германией в период Великой Отечественной войны, поднимаются вопросы понятийного измерения проблемы принудительного труда и дается историко-семантический анализ пределов свободы/несвободы «восточных рабочих».

Автор солидаризируется с теми учеными, которые считают, что точно подсчитать количество угнанных или добровольно выехавших в Германию, поддавшись фашистской пропаганде, в поисках лучшей жизни в чужой стране, репатриированных, умерших на чужбине или еще в процессе депортации крайне проблематично, поскольку недостаточна документальная база исследования [4, с. 11].

Н. А. Гаража отмечает, что в риторике официальных документов наблюдается терминологическое многообразие — от названия категорий рабочих («восточные рабочие», «остарбайтеры», «гражданские пленные» и т.д.) до фиксации вариантов и стадий доставки и эксплуатации (изъять, мобилизовать, эвакуировать и т.д.). «Рефлексия по поводу

анализа своего нового положения была характерна и для самих “восточных рабочих”» [4, с. 13].

На основе анализа документов российских архивов и документов Третьего рейха автор делает вывод о том, что в целом добровольный отъезд был крайне редок. Исследователь отмечает, что «в свидетельствах “восточных рабочих” находим утверждения, что при насильственных методах угона с вручением номера иногда выдавались документы о добровольном выезде в Германию».

Тяжелая работа, сложные бытовые условия и плохое обращение стоили жизни многим советским гражданам, оказавшимся в Германии, поэтому определения «принудительный труд» не избегали в немецкой документации, впоследствии оно вошло в советскую историографическую традицию в понятиях «принудительный труд», «рабский труд», «принудительная мобилизация» [4, с. 15].

Определение «восточный рабочий», или «остарбайтер» (нем. Ostarbeiter — работник с Востока), принятое в Третьем рейхе для обозначения людей, вывезенных из Восточной Европы с целью их использования в качестве бесплатной или низкооплачиваемой рабочей силы, как пишет автор, сохраняет свою научную и социально-историческую актуальность в силу насыщенного присутствия во всех группах источников. Наряду с этим определением используются равнозначные понятия «принудительные рабочие с Востока» или «подневольные работники» (понятие, поддерживаемое в современной Германии). Среди понятийных новообразований автор выделяет термин «остарбайтерство», введенный Ю. Ф. Скрипниченко [9]. По мнению автора, в лексикон русскоязычного исследователя этот термин не войдет, но обретает интересное звучание при осмыслении групповой психологии принудительных рабочих [4, с. 19].

Как считает исследователь, «понятийный комплекс проблемы использования Германией принудительного труда гражданских лиц и военнопленных оккупированных государств сложился еще во время происходивших событий, в полной мере отражает цели, характер, этническую, региональную принадлежность рабочих. К настоящему времени основные понятия, такие как «иностранные рабочие», «восточные рабочие», «остарбайтеры», «русский рабочий», «принудительный труд», введены в научный оборот и не вызывают серьезных разночтений в силу изначальной однозначности в смысловой наполненности [4, с. 25].

В первой главе автор дает историко-семантический анализ пределов свободы/несвободы «восточных рабочих». По ее мнению, «нацистская пропаганда констатировала следующую “реальность” для граждан оккупированных советских территорий: Германия, ее армия, ее экономика, ее система ценностей нацелены на решение задачи освобождения и спасения Европы от большевизма. Так как именно “большевизм украл у человека на востоке его душу и подчинил его дух и волю одному — уничтожению европейской культуры...”» [4, с. 30—31]. Основными препятствиями к свободе и благоденствию считались большевизм и евреи. Это точно соответствовало национал-социалистической идеологии и даже могло найти свою аудиторию в СССР, пишет Н. А. Гаража [4, с. 31].

В заводских цехах в фашистской Германии, где работали остарбайтеры, их встречали плакаты, напоминавшие об их статусе: «Славяне — это рабы». Автор считает, что подобная риторика была перенята и союзниками СССР уже после окончания войны. Бывших остарбайтеров и советских военнопленных, которые подлежали репатриации, но оказались в зоне британского или американского влияния, часто запугивали не только «тюрьмой и Сибирью и конфискацией всех личных вещей», но также трудоиспользовали: «наждали новые “хозяева”», и нередко слышали в свою сторону «русские свиньи», — отмечали «восточные рабочие». Автор подчеркивает, что, к сожалению, зачастую подоб-

ные испытания ждали бывших оstarбайтеров при возвращении в Советский Союз. Не прошедших по разным причинам фильтрацию отправляли уже в советские лагеря или в регионы страны восстанавливать промышленные объекты [4, с. 33].

Исследователь констатирует тот факт, что «среди самих “восточных рабочих” наиболее распространенным было понимание свободы как утраченной счастливой жизни, тесно связанной с родиной и осознаваемой на дистанции от нее» [4, с. 37].

По мнению Наталии Алексеевны, советские люди в Германии сразу же отчетливо почувствовали, что стали рабами, более того, рабами врага. Момент своего перехода в рабство подчеркивают словами «купить», «хозяин», неприятием унижительного ярлыка со знаком ОСТ [4, с. 39].

Однозначно негативным было отношение угнанных советских граждан к нашивке знака ОСТ: ее стыдились, ее боялись, она унижала, воспринималась как клеймо, как постоянное символическое напоминание о подневольном положении, иногда ее даже сравнивали с еврейской звездой. «И немцы постоянно подчеркивали уничижительное значение знака, распространяя на бытовом уровне его нелепые, оскорбительные расшифровки: “осел советской территории”, “остерегайтесь советской твари” и т.д.» [4, с. 40].

Как считает исследователь, одним из знаковых элементов, утверждающих это новое положение советских граждан на территории рейха, была биржа — распределитель на работы, устроенная как восточный невольничий рынок, где рабов ощупывали, считали зубы, а главное — торговались о цене. Она приводит несколько воспоминаний «восточных рабочих», как их покупали немецкие рабовладельцы: «Один за другим к нашему строю подходили уважаемые господа. Присматривались, выбирая самых крепких, сильных. Ощупывая мускулы, деловито заглядывая в рот, о чем-то переговаривались, ничуть не считаясь с нашими чувствами. Я был маленького роста, хилый и остался среди десятка таких же нераспроданных заморышей» [4, с. 41—42].

Автор отмечает, что условия последующей работы и содержания, отношение со стороны немецкого населения имели тот же характер насилия и неволи: «будучи там на работе, нас использовали как каторжников, работали мы там по 12—14 часов», «на протяжении нашего пребывания в Германии мы были лишены своего имени и фамилии». «Дополнительными символами насильственного удержания советских людей в рейхе выступали жесткие правила охраны рабочих, включая колючую проволоку вокруг лагерей и ограничения режима передвижения» [4, с. 42].

В современной Германии, как пишет автор, условно принято разделять понятия «рабский» и «принудительный» труд, относя первый к узникам гетто и концентрационных лагерей, а второй к гражданским рабочим, оправдываясь тем, что условия жизни рабочих варьировались в зависимости от статуса, национального происхождения, пола, а также от типа и размера лагеря [11]. К сожалению, эти утверждения больше характерны для германской пропагандистской документации периода войны, чем раскрывают подлинное положение «восточных рабочих» [4, с. 45].

Исследователь показывает, что, несмотря на ужасающие условия работы и жизни, «каждый хранил до последнего в душе мечту свободы, возвращения на Родину, к своей довоенной жизни, пусть и видимой в более мягких и романтических красках» [4, с. 52].

Автор приходит к выводу, что «в целом перед нами предстает картина, когда люди, принадлежащие к разным возрастным, этническим и социальным группам, волею судеб оказавшиеся в Германии, оторванными от своего дома и сложившегося уклада жизни, не просто принимали новую жизненную ситуацию, смирялись или пытались в ней адаптироваться, но осмысливали себя в ней. И проблема свободы/несвободы занимала в ней

одно из первых мест, возможно, в силу основной детерминанты всей событийности пребывания советских граждан на работах в Германии» [4, с. 56].

Во второй главе «Социально-демографические характеристики “восточных рабочих” и их влияние на качество жизни и условия труда» автор рассматривает гендерный аспект организации трудоустройства советских граждан в Третьем рейхе, характер и условия принудительного труда советских подростков и молодежи в Германии и повседневную жизнь «восточных рабочих».

Автор приводит данные, что более 50% «восточных рабочих» составляли женщины, которые работали в основном в сельском хозяйстве [4, с. 74].

Угроза сексуального насилия для женщин среди комплекса рисков, которым подвергались «восточные рабочие», представляла основную опасность как со стороны немцев, так и соотечественников или других иностранных рабочих. Она подчеркивает, что незаконие их положения было predetermined со стороны местных мужчин, которые имели надзорные функции и использовали свое положение для насилия [4, с. 85].

Исследователь пишет, что материалы писем и интервью показывают, что у работников принудительного труда, особенно задействованных в сельском хозяйстве, был выходной день, и иногда они нелегально в вечернее время собирались на посиделки. Местные отделения жандармерии такие собрания воспринимали как угрозу безопасности, саботаж и сговор к побегу, потому всячески препятствовали им [4, с. 83].

При этом немцы фиксировали, что среди оstarбайтеров сохраняются ясно выраженные семейные чувства, наблюдается хорошая нравственность. 17 августа 1942 г. отделениям СС и СД была направлена аналитическая записка, в которой приводились данные, позволяющие сделать вывод о целомудрии и высокой морали русских женщин, признавалось, что ранее немецкая пропаганда рисовала их ложный портрет. К примеру, при проведении медицинского осмотра «восточных работниц» на предприятии «Вольфен», производившем киноплёнку, установили, что 90% «восточных работниц» в возрасте от 17 до 29 лет были целомудренными. «...По мнению разных немецких представителей, складывается впечатление, что русский мужчина уделяет должное внимание русской женщине, что в конечном итоге находит отражение также в моральных аспектах жизни» [10; 4, с. 84].

Автор пишет, что «содержались рабочие в Германии в особых лагерях при заводах, либо это были лагерь-распределители, где происходили настоящие торги людьми и откупа рабочих покупатели увозили к себе на предприятия или домой». Она приводит данные В. Н. Земскова о том, что 40% оstarбайтеров содержалось в лагерях, а 60% — по месту жительства хозяев [6, с. 40]. Н. А. Гаража подчеркивает, что лагерь для оstarбайтеров немногим отличался от концентрационных.

Рассматривая характер и условия принудительного труда советских подростков и молодежи в Германии в период Великой Отечественной войны, автор доказывает, что возрастающая потребность немецкой экономики в рабочей силе, прямая финансовая и организационная заинтересованность руководителей Третьего рейха в поставках новых и новых партий восточных рабов, зачистка оставляемых территорий от гражданского населения привели к тому, что с захваченной части Советского Союза в Германию на работы вывозилось не только взрослое трудоспособное население, но и молодежь 14—18 лет, семьи с детьми, нередко жертвами угона становились даже нетрудоспособные и больные граждане [4, с. 95].

Человек как демографический ресурс был оценен в должной мере нацистской экономикой как дешевый, неприхотливый и эффективный, рассматривался без каких-либо ограничений или цензов. На «восточных рабочих» в Германии зарабатывались состоя-

ния: лагерное начальство продавало их бауэрам (фермерам), бюрократия рейха — крупным заводам, руководство СС использовало на собственных ведомственных предприятиях [4, с. 96]. Автор подчеркивает, что систематически, с использованием различных средств — от пропаганды до насилия, велась целенаправленная работа по вывозу детей и молодежи с территории СССР [4, с. 98].

Инструментарий запугивания, принуждения и насилия, который использовался нацистами при «работе» с молодежью, на самом деле отличался определенной эффективностью, позволяя в указанные сроки выполнять мобилизационные квоты. Тем не менее постоянный накал агрессии приводил к закреплению и росту негативного отношения населения к оккупационным властям, выразившегося зачастую в скрытых или открытых формах неповиновения и сопротивления. Исследователь показывает, что «ядром протестного движения, направленного на спасение советских детей и подростков от насильственного угона в Германию, наряду с личными акциями неповиновения оккупационным властям» были партизанские отряды и подпольные организации, которые уничтожали документы на выезжающих, осуществляли точечные акты спасения от угона, вели просветительскую работу, распространяя листовки среди населения захваченных территорий СССР [4, с. 112].

«Дети, попавшие в Германию, безусловно, повзрослели раньше своих сверстников, оставшихся дома, закалились в пережитых испытаниях, обретя бесценный жизненный опыт», — пишет исследователь. Они очень скучали по родным и близким, о чем свидетельствуют их письма и открытки, оправленные на Родину [4, с. 116].

Автор считает, что «дополнительным фактором лишений и унижений насильственного трудоиспользования стал психологический дискомфорт от жестокого обращения и неприятия со стороны местного населения». Акты милосердия по отношению к восточным рабочим были единичными и то к концу войны. Сами оstarбайтеры объясняют частные акты человечности наступлением советских войск и страхом возмездия за все содеянное [4, с. 118].

Исследователь приходит к выводу, что трудоиспользование советских граждан во благо германской экономики и капитала было тотальным, без ограничений возраста, пола и даже состояния здоровья. Не существовало никаких исключений, послаблений нормирования труда и организации лагерного быта в отношении детей и подростков [4, с. 124].

В третьем параграфе второй главы рассматривается повседневная жизнь «восточных рабочих» на территории Третьего рейха. Н. А. Гаража считает, что изучение данной проблемы важно не только для реконструкции событийной канвы принудительного труда, являющегося частью общей истории Второй мировой и Великой Отечественной войн, но и для постижения стратегий выживания советских граждан, которые оказались на враждебной чужбине и при этом демонстрировали высоконравственные примеры стойкости и взаимопомощи [4, с. 126].

Автор считает, что «привлечение к работам гражданского населения оккупированных войсками вермахта территорий изначально строилось на насильственной основе, отражая в целом антисоветский, антиславянский вектор идеологии и практики Третьего рейха» [4, с. 128].

Массовый отбор для выезда в Германию потенциальных рабочих начинался с регистрации на бирже труда лиц, достигших 18 лет, и прохождения ими медицинской комиссии. Автор приводит массу свидетельств о преднамеренном нанесении себе увечий во избежание угона: «...молодежь не хотела ехать в Германию... как-то травмировали руки, ноги хлорной известью, делали ожоги на руках, лице» [4, с. 130].

Исследователь пишет, что восстановление потраченных «остарбайтерами» сил было практически невозможно при скудном нормировании питания и некачественных продуктах. Она приводит данные, что из себя представлял усредненный рацион в рабочих лагерях: завтрак — эрзац-кофе, обед — 0,5 л супа из брюквы, ужин — эрзац-кофе, 300 г хлеба, с 1944 г. — 200 г хлеба [4, с. 131]. «Восточные рабочие» имели небольшую заработную плату, которая была обложена всевозможными штрафами и часто не могла быть отоварена из-за существовавшей карточной системы. За «добывание» дополнительных продуктов питания в виде обмена у местного населения, покупки в населенных пунктах следовали наказания [4, с. 134].

Автор, подводя итог, пишет, что «советские граждане, оказавшиеся на территории Третьего рейха, испытывали весь возможный спектр трудностей, связанных с удовлетворением повседневных потребностей человека в воде, пище, медицинском обслуживании. Обеспечение всем необходимым зависело от места пребывания, а в большей степени от произвола лиц, которым была вверена судьба наших граждан, принудительно ставших «восточными рабочими» [4, с. 141]. Н. А. Гаража отмечает, что остарбайтеры часто «удивляли» местное немецкое население своей религиозностью, моральным здоровьем, чистотой нравов и хорошим воспитанием [4, с. 146].

В третьей главе «Пропагандистский формат конструирования повседневности советских граждан в Германии. 1941—1945 гг.» рассматривается вопрос о месте, которое «восточные рабочие» занимали в национал-социалистической пропаганде, о влиянии практики этнической сегрегации на процесс межэтнического взаимодействия в среде «восточных рабочих», раскрываются современные технологии образовательно-просветительской доступности темы принудительного труда советских граждан в Германии и на оккупированных территориях.

Подчеркивается, что пропаганда в Германии стала для национал-социалистов одним из определяющих рычагов в достижении поставленных целей, активно и многообразно использовалась во всех сферах и применительно к различным субъектам. После того как нацисты пришли к власти, пропагандистские «игры» приобрели исключительное значение в коммуникации, постепенно «проникая во все поры общества» [4, с. 152].

Исследователь утверждает, что общеизвестен факт дифференциации нацистского пропагандистского подхода к различным социальным и этническим группам советских граждан [4, с. 163].

Пропаганда в среде гражданского населения оккупированных районов СССР, советских военнопленных и остарбайтеров была изобретательной и активной, применялась на всех этапах: от рекрутирования и доставки в рейх до пребывания на предприятиях и организации досуга. Для пропагандистской обработки гражданских лиц, вывезенных с оккупированной территории, и военнопленных была создана специальная организация «Винета». В ее задачи входила подготовка пропагандистских материалов для Востока с целью организации добровольного отъезда в Германию на работы, подрыв морально-психологического состояния советских граждан в армии и в оккупации [4, с. 166].

В целях перекодирования советской молодежи на нацистский лад, получения ее добровольного согласия на сотрудничество с оккупационными властями и выезд на территорию Третьего рейха, внушения величия и значимости Германии велась достаточно активная пропагандистская работа. Нацисты апеллировали к молодежи посредством самых различных каналов: школ и учреждений культуры, радио и печатного материала [4, с. 167—168]. Очевиден умысел представить угон советских граждан в Германию в качестве добровольного в силу ряда причин, в том числе пропагандистского характера.

Исследователь показывает, что с 1942 г. в Германии совершенствуется система принудительного труда, а исполнительная власть претерпевает дальнейшую централизацию. «С этого времени вывоз в Германию советских людей начинает осуществляться преимущественно путем насилия. Методы не отличались разнообразием и сводились к репрессиям. Основным методом стали массовые облавы на улицах, базарах и в других местах скопления населения. Нередко по ночам проводились прочесывания городских кварталов и жилых домов», — пишет Н. А. Гаража [4, с. 171—172].

Рассматривая влияние практики этнической сегрегации на процесс межэтнического взаимодействия в среде «восточных рабочих», автор считает, что расовые мифы Третьего рейха, безусловно, формировались прежде всего А. Гитлером, но не являлись навязчивой идеей или сумасбродной фантазией, наоборот, были тесно взаимосвязаны с распространением и популярностью их в Европе. Интеллектуально респектабельные авторы «подсказали», что центром славянской угрозы, но только авангардом желтой, являлась Россия [4, с. 182].

По ее мнению, последовательный расизм был тем, чем выделялись германские нацисты на европейском политическом ландшафте, в чем они были по-настоящему «оригинальны» [4, с. 184].

Помимо расовых акцентов в новой идеологии Германии были сформулированы и воплощались в жизнь принципы элитаризма и иерархии, которые приносили важный элемент организованности и порядка в конструируемое государство с активной агрессивной внешней политикой. Соответственно стройность и идейная завершенность машины для завоевания жизненного пространства немцев распространялась и на решение вопроса об укомплектовании предприятий промышленности и сельского хозяйства рабочей силой с завоевываемых территорий. В целом в экономике Германии работали представители 28 национальностей [4, с. 186].

Н. А. Гаража пишет, что иностранным рабочим в Германии запрещалось вступать с немцами в любые тесные контакты и отношения, посещать церкви и пользоваться общественным транспортом без специального разрешения; им приходилось жить в рабочих лагерях, предписывалось носить на одежде опознавательный знак, показывающий этническую принадлежность, что более всего оскорбляло национальное достоинство [4, с. 187—188].

По мнению исследователя, доминирующий акцент на экономической выгоде трудоемкого использования советских граждан служит отвлечением от вопроса об обращении с «восточными рабочими», от многочисленных фактов нарушений норм гуманности и человечности [4, с. 190].

Идеологическая машина методично выстраивала и внушала населению пропагандистские клише: советские граждане — это «чудовища с Востока», враги, недочеловеки. Известно, что расистская практика нацистов относительно других народов заключалась в отрицании славян и неоднозначном отношении к романским и германским народам. Наиболее благоволили немцы уроженцам Голландии, Норвегии и Дании [4, с. 191].

Автор обращает внимание на проблему этнического ранжирования военнопленных и остарбайтеров немцами даже в пределах тюремного заключения. «По признаку чистоты нордической крови заключенные делились на четыре категории: первая — немцы, вторая — голландцы, датчане, норвежцы, третья — французы, бельгийцы, итальянцы, четвертая — русские, поляки, чехи». Именно русские, евреи и поляки подвергались маркировке специальными знаками [4, с. 193—194]. Сделан вывод о том, что мишенью националистических чисток и межэтнических, конфессиональных конфликтов на оккупированной территории были выбраны русские как стержневой этнос государства. «...Если

армян или казахов называли русскими, то в этом случае “русский” выступал в качестве феномена социокультурной, политической и мировоззренческой общности людей, принимаемой таковой и властями нацистской Германии» [4, с. 214].

По мнению автора, основу социологической модели германского нацизма составляли три основных компонента: немецкая «раса господ», которая должна превалировать во всех смыслах над другими, «низшие расы», обязанные подчиняться, и «расово неполноценное» население — евреи, цыгане и славяне. Народы с «восточной кровью» должны были быть разделены, доведены до полной потери их значимости, стать рабами [4, с. 218].

Третий параграф раскрывает современные технологии образовательно-просветительской доступности темы принудительного труда советских граждан в Германии и на оккупированных территориях. Появление данного параграфа в книге автор объясняет желанием поделиться опытом написания «семейных историй» студентами университета с использованием музейных ресурсов.

В Заключении монографии сделан вывод о том, что в отношении к оstarбайтерам чаще были ситуации презрения, насилия, стремления к максимальной эксплуатации в атмосфере постоянного унижения. Но для большинства попавших в неволю главной целью было выжить, и при этом не любой ценой, а сохранив свою личность, честь, достоинство и убеждения.

К сожалению, Заключение короткое (с. 231—233), поэтому и выводы исследования оказались схематичны.

В целом монография Наталии Алексеевны Гаража вносит значительный вклад в российскую историографию Великой Отечественной войны и трудоустройства советских граждан в экономике Третьего рейха, повседневной жизни «восточных рабочих».

Список источников

1. Вербицкий Г. Г. Остарбайтеры: История россиян, насильственно вывезенных на работы в Германию во время Второй мировой войны. СПб. : СПб. ун-т, 2004. 240 с.
2. Гаража Н. А. Письма оstarбайтеров как источник микросоциальной истории и истории повседневности Великой Отечественной войны (на материалах коллекции писем оstarбайтеров в фондах Государственного архива Республики Крым) // Гуманитарные и юридические исследования. 2016. № 4. С. 24—30.
3. Гаража Н. А. Актуализация проблемы социальной поддержки оstarбайтеров и ее организация в условиях краеведческого музея Майкопского района им. Жерноклевых И. В. и Е. И. // Социальная политика и социология: междисциплинарный научно-практический журнал. 2013. № 2-2 (93). С. 129—135.
4. Гаража Н. А. «Восточные рабочие». Труд и повседневная жизнь советских граждан в Третьем рейхе. 1941—1945. М. : Прометей, 2022. 264 с.
5. Гаража Н. А. «Свобода» восточных рабочих: пропагандистский образ и исторические реалии. 1941—1945 гг. // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. 2016. № 1 (17). С. 128—137. URL: http://vestospu.ru/archive/2016/articles/14_17_2016.pdf.
6. Земсков В. Н. К вопросу о репатриации советских граждан 1944—1951 годы // История СССР. 1990. № 4. С. 26—41.
7. Ковалев В. И. Повседневная жизнь советских граждан, угнанных в фашистскую Германию: взгляд через десятилетия. М. : Спутник+, 2011. 351 с.
8. Кринко Е. Ф., Захарина Е. А. «Восточные рабочие»: динамика представлений и образов в СССР и современной России // Наследие веков. 2020. № 2 (22). С. 45—56.
9. Скрипниченко Ю. Ф. «Остарбайтерство» на Харьковщине в годы Второй мировой войны: рассмотрение проблемы периода конца XX — XXI столетия в источниках и историографии // Псковский военно-исторический вестник. 2015. № 1. С. 189—193.
10. Сообщения из империи № 376. Представления населения о России: результаты использования в империи советских военнопленных и оstarбайтеров. Берлин, 15 апреля 1943 г. URL: <http://hvac.livejournal.com/129861.html>.
11. Pagenstecher C. “We were treated like slaves”. Remembering forced labor for Nazi Germany. URL: <http://www.cord-pagenstecher.de>.

References

1. Verbitskii G. G. *Ostarbaitery: Istoriya rossiyan, nasil'stvenno vyvezennykh na raboty v Germaniyu vo vremya Vtoroi mirovoi voiny* [Ostarbeiters: The Story of Russians Forced to Work in Germany during World War II]. St. Petersburg, St.-Peterb. un-t Publ., 2004. 240 p. (In Russian)
2. Garazha N. A. Pis'ma ostarbaiterov kak istochnik mikrosotsial'noi istorii i istorii povsednevnosti Velikoi Otechestvennoi voiny (na materialakh kolleksii pisem ostarbaiterov v fondakh Gosudarstvennogo arkhiva Respubliki Krym) [Ostarbeiters letters as a source of micro social history and the history of everyday life of the Great Patriotic War (On materials of the collection of ostarbeiters letters in the funds of the State archive of the Republic of Crimea)]. *Gumanitarnye i yuridicheskie issledovaniya — Humanities and Law Studies*, 2016, no. 4, pp. 24—30. (In Russian)
3. Garazha N. A. Aktualizatsiya problemy sotsial'noi podderzhki ostarbaiterov i ee organizatsiya v usloviyakh kraevedcheskogo muzeya Maikopskogo raiona im. Zhernoklevykh I. V. i E. I. [On the problem of social support for Ostarbeiters and its organization in the conditions of the local history museum of the Maikop district named after Zhernoklev I. V. and E. I.]. *Sotsial'naya politika i sotsiologiya: mezhdistsiplinarnyi nauchno-prakticheskii zhurnal*, 2013, no. 2-2 (93), pp. 129—135. (In Russian)
4. Garazha N. A. "Vostochnye rabochie". *Trud i povsednevnyaya zhizn' sovetskikh grazhdan v Tre't'em reikhe. 1941—1945* [Eastern Workers. Work and everyday life of Soviet citizens in the Third Reich. 1941—1945]. Moscow, Prometei Publ., 2022. 264 p. (In Russian)
5. Garazha N. A. "Svoboda" vostochnykh rabochikh: propagandistskii obraz i istoricheskie realii. 1941—1945 gg. ["Freedom" of Eastern workers: the image of propaganda and historical realities. 1941—1945]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Elektronnyi nauchnyi zhurnal — Vestnik of Orenburg State Pedagogical University. Electronic Scientific Journal*, 2016, no. 1 (17), pp. 128—137. Available at: http://vestospu.ru/archive/2016/articles/14_17_2016.pdf. (In Russian)
6. Zemskov V. N. K voprosu o repatriatsii sovetskikh grazhdan. 1944—1951 gody [To the question of the repatriation of Soviet citizens. 1944—1951]. *Istoriya SSSR*, 1990, no. 4, pp. 26—41. (In Russian)
7. Kovalev V. I. *Povsednevnyaya zhizn' sovetskikh grazhdan, ugnannykh v fashistskuyu Germaniyu: vzglyad cherez desyatiletia* [Everyday life of Soviet citizens deported to Nazi Germany: a look through the decades]. Moscow, Sputnik+ Publ., 2011. 351 p. (In Russian)
8. Krinko E. F., Zakharina E. A. "Vostochnye rabochie": dinamika predstavlenii i obrazov v SSSR i sovremennoi Rossii [Ostarbeiters: The Dynamics of Perceptions and Images in the USSR and Modern Russia]. *Nasledie vekov — Heritage of Centuries*, 2020, no. 2 (22), pp. 45—56. (In Russian)
9. Skripnichenko Yu. F. "Ostarbaiterstvo" na Khar'kovshchine v gody Vtoroi mirovoi voiny: rassmotrenie problemy perioda kontsa XX — XXI stoletiya v istochnikakh i istoriografii ["Ostarbaiterstvo" in Kharkov region during the years of the Second World War: viewing the problems of the period at the end of XX — beginning of the XXI centuries in the sources and historiography]. *Pskovskii voenno-istoricheskii vestnik*, 2015, no. 1, pp. 189—193. (In Russian)
10. *Soobshcheniya iz imperii № 376. Predstavleniya naseleniya o Rossii: rezul'taty ispol'zovaniya v imperii sovetskikh voennoplennykh i ostarbaiterov. Berlin, 15 aprelya 1943 g.* [Messages from the empire No. 376. The population's perceptions of Russia: the results of the use of Soviet prisoners of war and Ostarbeiters in the empire. Berlin, Apr. 15, 1943]. Available at: <http://hvac.livejournal.com/129861.html>. (In Russian)
11. Pagenstecher C. "We were treated like slaves". *Remembering forced labor for Nazi Germany*. Available at: <http://www.cord-pagenstecher.de>.

Информация об авторе

Р. Р. Хисамутдинова — доктор исторических наук, профессор

Information about the author

R. R. Khisamutdinova — Doctor of Historical Sciences, Professor

Статья поступила в редакцию 16.02.2023; принята к публикации 20.05.2023

The article was submitted 16.02.2022; accepted for publication 20.05.2023